

УДК 94 (517)"06/08"

«...ТОГДА Я ПРИВЕЛ В СМЯТЕНИЕ ТЮРКСКИЙ ЭЛЬ, ТОГДА Я ЕГО ПОГУБИЛ».
ПАДЕНИЕ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ: ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ

С. А. Васютин

«...THEN I DISARRAYED THE TURKIC ELL, THEN I RUINED IT".
THE TURKIC KHAGANATES FALL: FACTORS AND MECHANISMS

S. A. Vasyutin

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 33.1175.2014К.

В статье рассматриваются основные факторы и механизмы падения тюркских кочевых империй в Монголии. Исследование проводится на основе комплексного анализа факторов и причин, определявших раскол или ликвидацию тюркских империй. В результате удалось выявить, что кризисы в Тюркских каганатах происходили под влиянием определенной комбинации факторов, отличавшихся в каждом конкретном случае. Прежде всего, это усложнение общественно-политических институтов в кочевых империях и стремление правителей каганата ввести в политическую практику элементы управления из опыта оседлых государств. Также среди неблагоприятных факторов для тюркских политий большое значение имели отсутствие консолидирующей политики, что вызывало острые этнические и социальные противоречия, дипломатия и военное вмешательство Китая, состояние «имперской» армии, в отдельных случаях «перепроизводство элит» и утрата асабийи. В итоге удалось выявить, что кризис и падение крупных кочевых империй, как правило, происходит в тот момент, когда империя в социальном, культурном и политическом плане достигает некоего пика: складываются культурные традиции, оформляется элитарная культура, появляются элементы государственности, происходит усложнение социальной структуры и т. д. Это говорит об определенном пороге сложности, который для кочевых империй является критическим и во многих случаях труднопреодолимым.

The paper deals with the basic factors and mechanisms of the fall of the Turkic nomadic tribes in Mongolia. The research is based on the complex analysis of the factors and reasons which determined the schism or liquidation of the Turkic empires. The research demonstrated that the Turkic Khaganates crises resulted from certain factors which were different in each case. First of all, they were the complicacy of socio-political institutions in the nomadic empires and the Kaganates leaders' intention to implement some settled states' governing elements into their political system. The lack of a consolidating political power resulting in acute ethnic and social contradictions was a very important disadvantage as well as Chinese diplomatics and military intervention, "imperial" army conditions, in some cases "overproduction of aristocracy" and the loss of Assabiyah. The paper concludes that the crisis of nomadic empires usually occurs when an empire reaches a certain peak in its cultural and political life: building of cultural traditions and the elite culture, appearance of statehood elements, more complex social structure etc. This indicates to a certain complexity threshold which is critical and, in many cases, insurmountable for nomadic empires.

Ключевые слова: Монголия, Тюркские каганаты, падение кочевых империй, факторы и механизмы.

Keywords: Mongolia, Turkic Khaganates, the nomadic empires fall, factors and mechanisms.

Падение средневековых кочевых империй Монголии (Центральной Азии, Внутренней Азии), причины и механизмы таких явлений вызвали у специалистов не меньший интерес, чем создание имперских структур на степных просторах Евразии. Ранее нами были рассмотрены факторы периодических политических кризисов в отдельных кочевых империях и общие причины их смены другими политиями номадов. К таким факторам можно отнести усложнение общественно-политических структур в империи и стремление правителей каганата ввести в политическую практику элементы управления из опыта оседлых государств, что вызывает рост этносоциальных противоречий и открытые выступления племенных союзов, разгром сторонников правящей династии другими племенными группировками, дипломатия и военное вмешательство Китая, «окитаивание» знати, «перепроизводство элит» и утрата асабийи [4 – 9].

Вопросы падения имперских образований кочевников в Монголии неоднократно рассматривались и

характеризовались в исторической науке. В. В. Радлов один из первых обратил внимание на взаимосвязь между внутренней стабильностью кочевых обществ и успешностью внешнеполитических действий. Он высказал мысль о том, что кочевые лидеры без интегрирующей роли военных походов и завоеваний не могли установить постоянный контроль за племенной периферией [22, с. 249 – 250]. О. Латтимор писал о цикличности возвышения и упадка номадных политий под влиянием земледельческих цивилизаций [25]. Т. Барфилд конкретизировал данную концепцию прямой привязкой процессов политической децентрализации у кочевников и кризисами в средневековом Китае. Кроме того, он указывал на неустойчивый механизм наследования, провоцировавший междоусобицы и ослабление централистского начала [1, с. 16 – 18; 2, с. 20 – 21, 111]. Еще ранее Л. Н. Гумилев наряду со слабыми сторонами удельно-лествичной системы у тюрков говорил о процессе окитаивания (китаизации) и «китаефильстве» кочевой знати как факторе роста

противоречий между аристократией и рядовыми кочевниками [10, с. 56 – 59, 118 – 119, 137, 146 – 147, 337 и др.]. В трактовке Н. Н. Крадина кочевые империи выступали как квазигосударства и суперсложные вождества, т. е. изначально такие объединения носили неустойчивый характер. Развивая концепцию В. В. Радлова, исследователь отводил роль главного консолидирующего фактора военным набегам на Китай (либо угрозам набегов), вынуждавших Поднебесную платить дань, вести неэквивалентную торговлю и т. д. В качестве непосредственной причины кризиса кочевых империй и их исчезновения он называет перепроизводство элиты [14, с. 332 – 334; 15, с. 29 – 30; 16, с. 235 – 236; 17, с. 122 – 123 и др.].

В центре внимания данной статьи факторы, причины и механизмы крушения Первого Восточно-тюркского каганата в 627 – 630 гг. и Второго Восточно-тюркского каганата в 741 – 745 гг., а также «гражданская война» в Великом Тюркском каганате 589 – 603 гг., имевшая своим следствием раскол каганата на две отдельные политии, и кризис 714 – 721 гг. во Втором Восточно-тюркском каганате.

Первый (Великий) Тюркский каганат (552 – 603) до его раскола являлся масштабной евразийской империей с контролем значительных участков Шелкового пути и торговых городов в Восточном Туркестане и Семиречье. При Тобо-кагане (Таспаре) происходит структурная перестройка империи, вызванная развертыванием агрессивной политики против китайских царств. Произведенная Тобо централизация военных сил, привела к усложнению политической системы в восточной половине каганата, военные набеги вынудили северокитайские царства Северная Чжоу и Ци ежегодно выплачивать дань шелком [3, с. 233]. Однако внешняя угроза подтолкнула Китай к централизации и образованию единой империи Суй. Объединение Китая под власть суйской династии в свою очередь стало решающим внешнеполитическим фактором раскола Тюркской империи. По существу мы видим две формы адаптации элит на западе и востоке каганата к событиям в Китае. Восток консолидировался для дистанционной эксплуатации китайских ресурсов, а запад империи получал доходы от торговли китайскими товарами и фискально-пошлинных изъятий в городах Средней Азии. Это спровоцировало конфликт интересов между членами клана Ашина, чьи уделы располагались в разных частях империи. Наиболее амбициозные из них (Торэмен, Шету, Кара-Чурин Тюрк, Чулохоу) стремились установить свою власть над всем каганатом. Однако итогом этих столкновений было оформление двух кочевых политий с различными пасторальными целями в отношении соседних земледельческих обществ.

На этом влияние Поднебесной не ограничивалось. С восстановлением своего единства Китай прекратил выплаты степнякам. Тем самым правитель тюрков лишился возможности раздачи престижных китайских вещей влиятельным родственникам и племенным лидерам, что подрывало лояльность знати кагану и способствовало соперничеству за власть. Проводя политику «разделяй и властвуй» в самой Монголии, Суй поддерживала разных князей из Ашина и провоцировала конфликты в тюркской среде. В итоге к на-

чалу VII в., когда империя распалась на Западно-тюркский и Восточно-тюркский каганаты, китайцы с помощью щедрых даров смогли на востоке возвести на трон марионеточного кагана Жангара (Тули-хана), а затем укрыли его со сторонниками в пограничной зоне от других претендентов на власть. Восточно-тюркский каганат, таким образом, фактически распался на отдельные территории, часть которых контролировалась разными представителями клана Ашина, а часть оказалась в руках племенных лидеров, некогда подчинившихся тюркам. В итоге консолидация Китая и достижение им наивысшего военно-политического могущества привели к формированию в степи нескольких конфликтующих группировок и разрушению имперских структур тюрков. В связи с этим с полным основанием можно сказать, что влияние Китая как мир-империи и его внешняя политика в отношении кочевых Монголии были весьма значимыми факторами ослабления и кризиса Первого Тюркского каганата.

Внутренние факторы кризиса Первого Тюркского каганата в 589 – 603 гг., как можно предположить, связаны с перепроизводством элиты, о чем свидетельствует быстрый рост числа уделов в империи и утрата сплоченности правящего клана. При Мугань-кагане (553 – 572) оформилось 2 крыла империи. В правление Тобо-кагана (572 – 581) возникло восемь уделов, а в следующем поколении количество уделов возросло почти в два раза и только на каганский престол было не менее 5 претендентов. Необходимо отметить, что в событиях конца VI – начала VII в. подчиненные тюркам кочевые союзы не участвовали самостоятельно в столкновениях, а лишь поддерживали ту или иную сторону конфликта. Но кризис власти в Восточно-тюркском каганате и набеги западных тюрков способствовал тому, что в рамках империи произошла консолидация племенных структур и возникло несколько центров нетюркской власти: кибичи и сеяньто провозгласили независимую державу в Джунгарии, а уйгуры, объединившись с племенами пугу, тунло и байегу, создали союз во главе с Сыгинем (Шы-гянь-Сыгинем) из рода Яглакар и «отложились» от власти тюрков [3, с. 301 – 302, 339; 26, с. 350; 10, с. 143 и др.]. Начавшийся в империи Суй кризис (608 – 618), позволил восточно-тюркскому кагану Шибира (608 – 619) восстановить порядок в степи и передать свою власть наследникам – Чуло (619 – 620) и Хейли / Эль-кагану (620 – 630). Уйгуры вынуждены были подчиниться тюркам, но сохранили свою обособленность. Об этом свидетельствует переход власти от Шы-гяня к его сыну Пусе. Все это позволяет говорить об устойчивости созданного уйгурами надплеменного объединения во главе с Яглакар. Именно уйгуры и их союзники, а также сеяньто сыграют важную роль в падении каганата в 630 г.

Кризис 627 – 630 годов и последовавший разгром Восточно-тюркского каганата имел свои экзогенные и эндогенные факторы. В данном случае мы имеем взгляд на эти события с двух сторон – китайской и, собственно, тюркской. Начнем с последней, тюркской, версии: «После того как младшие братья не были подобны старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели (на царство), надо думать, неразумные

каганы, и их буюруки были также неразумны, были трусливы. Вследствие непрямоты (неверности кагану) бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательства, обманывающих из народа табгач и их козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ – с бегами, тюркский народ привел в расстройство свое... государство и навлек гибель на царствующего кагана» [12, с. 61 – 62]. В переводе С. Е. Малова этого текста подчеркивается еще один нюанс: «вследствие того, что они (народ табгач – китайцы) ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей... тюркский народ привел в расстройство свой эль» [18, с. 36 – 37]. В данном отрывке мы можем увидеть, как в тюркской элите произошла утрата сплоченности – «асабийи» по Ибн Халдуну [11, с. 67] и «на царство сели «неразумные» и «трусливые» правители. Но непосредственной причиной крушения каганата названо подстрекательство Китая, т. е. политика Тан в отношении тюрков и подчиненных им племен в духе победой варваров «руками других варваров». Поддержка китайцами недовольных тюркской властью племенных лидеров вызвала восстания племенных союзов против тюрков, что помогло танским войскам разбить Эль-кагана, заставить каган и его сторонников сдать Китаю, чтобы не быть перебитыми своими степными противниками.

Китайская версия не противоречит тюркской, но сохраняет для нас множество деталей, отсутствующих в текстах надписей Кюль-тегину и Бильге-кагану. Из китайских хроник становится понятно, как было подорвано влияние тюркского правителя. Прежде всего, танский император Тай-цзун отказался выплачивать дань Эль-кагану. Это означало упадок консолидирующей политики и недовольство со стороны полунезависимых сеяньто и уйгуров, чьи оппозиционные настроения поддерживал Китай. Каган попытался укрепить свои финансовые позиции с помощью сбора дани согдийцами в степи, но это вызвало волну выступлений и восстание в 628 г. племен сеяньто и уйгуров против тюрков. Вступление в дело китайской армии довершило разгром тюрков в 630 г.

Следует подчеркнуть, что тенденция ослабления асабийи в правящем роде, отмеченная Ибн-Халдуном, всегда сочетается с другими факторами. В этом отношении интересный пример дает Второй Тюркский каганат. Тюркам, бежавшим из Китая в степь, удалось достичь стратегических успехов при Ильте-риш-кагане путем разгрома токуз-огузов и захвата Отюкенской черни (Хангая), что позволило с одной стороны обезопасить тюрков от военных экспедиций Тан [12, с. 110 – 111]. Именно отсюда тюрки развернули экспансию в различных направлениях в период правления следующего Капаган-кагана (кит. Мочжо, 691/693 – 716 гг.) и воссоздали собственную империю («эль»). Капаган-каган вел завоевательную политику, расширял территорию империи, консолидировал разноэтничных номадов для «дистанционной эксплуатации» Тан. Совершая регулярные набеги на китайские провинции, Капаган смог добиться поступления в степь шелка, проса, земледельческих орудий, перехода под его власть еще остававшихся в Китае тюркских поколений [3, с. 268 – 269]. Тюрки не ограничились

подчинением Тувы, Алтая, владений кыргызов. Судя по всему, в планы Капагана входило покорение тюркешей в Семиречье, захват городов и оазисов в Восточном Туркестане и Средней Азии. Это позволило бы получить доступ к торговле шелком и ресурсам (налогам, пошлинам, товарам) городских общин. Но этим планам не суждено было сбыться. Поражения от арабов в Тохаристане и от китайцев под Бэйтином (Бешбалык) в 712 – 714 гг. поставили под угрозу существование кочевой империи. Один за другим племенные лидеры киданей, хи, карлуков, азов, токуз-огузов и др. поднимали восстания. Капаган-каган попытался восстановить свою власть в степи и дважды разгромил токуз-огузов. Но в 716 г. он попал в засаду и погиб. Тюркская империя оказалась в шаге от полного краха. В этой ситуации понадобились сверхусилия, чтобы сохранить каганат. Прежде всего, необходимо было консолидировать элиту, чтобы избежать междоусобиц среди претендентов на власть. Такие меры были осуществлены Кюль-тегином. Он уничтожил прямого наследника, истребил его род, «предал смерти» всех служивших при Капагане «государственных людей» [3, с. 273], а затем провозгласил каганом своего брата Бильге. Жестокость была оправдана, так как речь шла о судьбе каганата в целом. Против тюрков в 714 – 716 гг. не без поддержки Китая выступили практически все кочевые объединения Монголии. По меткому замечанию Л. Н. Гумилева, «верные тюркскому хану войска казались островами среди моря восстания» [10, с. 310 – 311]. Правитель тюркешей Сулук провозгласил себя независимым каганом. К этому же стремились лидеры карлуков, токуз-огузов и кыргызов. Недовольные действиями Кюль-тегина вожди и целые поколения тюрков и других кочевников уходили на юг к границе с Китаем, изымая покорность императору Тан. При описании восхождения на каганский престол Бильге отмечается, что он «...сел... над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи – одежды, (над народом) жалким и низким» [18, с. 39].

Невероятными усилиями Бильге-кагану и Кюль-тегину удалось спасти империю, одерживая победы над уйгурами (токуз-огузами), киданями, татабами [18, с. 40]. Первоначально Бильге-каган хотел совершать традиционные набеги на Китай, продолжая линию Капаган-кагана. Но советник Тоньюкук отговорил его, апеллируя к состоянию китайского общества: «Сын неба воинственен, народ в согласии, годы урожайны...» [3, с. 274]. Отверг Тоньюкук и другую инициативу Бильге-кагана – построить в степи храмы Будде и Лао-цзы, подчеркивая, что тюрки могут противостоять китайцам потому что «следуют за травой и водой», не имеют «постоянного местопребывания и упражняются только в военных делах». Учение же Будды и Лао-цзы, по словам Тоньюкука, «делает людей человеколюбивыми и слабыми» [3, с. 273]. Тем самым именно Тоньюкук начал выстраивать новую конфигурацию отношений с Китаем. Она не предполагала набегов на Поднебесную (Бильге направил в Китай послов с просьбой о мире) и препятствовала культурному влиянию Китая. В конечном итоге мир был заключен (721 г.) и вплоть до смерти Бильге-кагана в 734 г. конфликтов между Вторым Тюркским

каганатом и Китаем не было. Правитель тюрков, продолжая получать дары из Китая (шелк, изделия из драгоценных металлов, зерно / спирт и другие товары), проводил изоляционистскую политику. Несмотря на мирные отношения с Тан, тюрки конструируют свою идентичность на основе антикитайской риторики и образа Китая как главного погубителя Первого каганата. Надпись в честь Кюль-тегина предупреждала об опасности сближения с китайцами: «... Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве» [18, с. 33 – 35]. «...тюркский народ, когда ты идешь в ту страну (Китай – прим. С. В.), ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отюкенской черни, лишь посылаешь караваны (за подарками), ...ты можешь жить, созидая свой эль...» [18, с. 35]. Тем самым разрушительное для тюркских традиций китайское влияние (товары, одежды, образ жизни) блокировалось. Убийство Кюль-тегином в 716 г. наследника Капагана, его родственников и сторонников существенно сократило элитарный слой и потребность в престижных вещах. В контексте изоляционистской политики исключались и набеги на Китай, которые могли служить поводом для трансляции в степь китайского влияния.

Мирные отношения с Тан «компенсировались» тюркской политикой «умиротворения» степи. Борьба тюрков с непокорными племенами продолжалась как минимум до 721 г. В результате токуз-огузы и другие кочевые племена Монголии после длительного сопротивления и неоднократных мятежей вынуждены были покориться. Укрепилось положение тюрков и на северных границах каганата, где была создана система гарнизонов и, вероятно, применялись разнообразные фискально-даннической практики в отношении оседлого и кочевого населения Тувы, Алтая, Хакасии, Забайкалья. Империя прожила в мире почти 20 лет, но выбранная Бильге-каганом стратегия все же привела Второй Тюркский каганат к краху. Уже при втором сыне Бильге-кагана Бигя Гудулу-кагане, взошедшем на престол в 740 г., начались междоусобицы («поколения пришли в несогласие» [3, с. 277]). Один за другим на престоле сменялись каганы. Уйгуры, карлуки и басими подняли восстания. Роль Китая, переживавшего очередной кризис, в событиях 742 – 745 гг. не ясна, но можно предположить, что Тан не предпринимала специальных мер для ослабления тюркской империи (император даже предложил Усу-миши кагану подданство [3, с. 278]). Тем временем в степи воцарился хаос. Уйгуры, басими и карлуки добывали остатки тюркских войск и вели борьбу между собой. В конечном итоге уйгурский Кутлуг-Бильге Кюль-каган, нанеся поражения тюркам, а затем своим союзникам карлукам, захватил власть в степи (745 г.). «...тогда я привел в смятение тюркский эль, тогда... я его погубил» констатирует Терхинская надпись второго уйгурского правителя Элетмиш Биль-

ге-кагана [13, с. 43]. Ей вторит и надпись из Могойн Шине-усу: «...тюркский нард (окончательно) погиб» [19, с. 39; 13, с. 61].

Факторы и причины распада империи и военных поражений тюрков в 740-е гг. многочисленны. Во-первых, в результате миролюбивой политики Бильге-кагана по отношению к Китаю тюркская элита и военная структура в целом оказались не достаточно мобилизованными для решения военных задач. Во-вторых, доля элиты после событий 716 г. была недостаточной, чтобы оказывать давление на кагана с целью заставить его проводить более консенсуальную политику. Не хватало тех импульсов из военно-аристократической среды, которые вынудили бы кочевого лидера выступить в традиционной роли организатора походов. В-третьих, в результате жесткой политики тюрков в отношении подчиненных кочевых народов начались восстания. Именно войска карлуков и уйгуров поставили точку в судьбе Второго Тюркского каганата.

Подводя итоги, можно отметить, что в трех (589 – 603, 627 – 630, 714 – 721) из четырех случаев кризиса тюркских каганатов, рассмотренных в статье, механизм ослабления империи, а в 630 г. и ее падения, сочетал внешнюю угрозу (подстрекательство подчиненных племен к восстаниям против тюрков, вмешательство в выборы кагана, вторжения в степь и т. д.) в лице Китая и внутреннее противостояние либо на уровне претендентов на престол из правящего тюркского клана, либо конфликт между тюрками и другими племенными союзами империи. Определенное значение имели факторы усложнения общества: рост числа уделов, а значит и численное увеличение высшей знати, доступ к фискально-пошлинным доходам от торговли, попытки Эль-кагана ввести с помощью согдийцев фискальные поборы, стремление Капаган-кагана захватить Восточный Туркестан и Семиречье для контроля над местными городами и торговыми путями. В событиях, связанных с падением Второго Тюркского каганата (741 – 745), преобладали эндогенные факторы (влияние Китая исключать нельзя, но оно было не явным). В этом случае на первый план выступило стремление уйгуров (токуз-огузов) и карлуков к независимости. Объединение племен во главе с уйгурами начиная с 610-х гг. стремилось к тому, чтобы сбросить власть тюрков. Они сыграли важную роль в крахе Восточно-тюркского каганата в 630 г., вели борьбу с Ильтериш-каганом за главенство в степи в конце VII в., участвовали в восстаниях против Капаган-кагана и Бильге-кагана. Вся история уйгуров VII – первой половины VIII вв. была наполнена столкновениями с тюрками. Для окончательной победы уйгурам нужен был только повод, который дал правящий род Второго Тюркского каганата, вступивший в начале 740-х гг. на шаткую дорогу междоусобиц.

Литература

1. Барфилд Т. Дж. Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3.
2. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухляева, Б. В. Кузнецова. СПб., 2009. 248 с. URL: <http://barfield.narod.ru>. (дата обращения: 12.07.2012).

3. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 381 с.
4. Васютин С. А. Кочевые империи Центральной Азии: неоконченный диспут // Вестник НГУ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 33 – 41.
5. Васютин С. А. Падение Уйгурского каганата и основные пути социально-политической эволюции кочевых обществ Центральной Азии в IX – XI вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 2(44). С. 22 – 28.
6. Васютин С. А. К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «би-полярного мира» Т. Барфилда // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. (Серия: История, филология). Т. 10. Вып. 1. История. С. 34 – 39.
7. Васютин С. А. Проблемы формирования кочевно-оседлого общества в империи Ляо // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 7. История. С. 110 – 115.
8. Васютин С. А. Антропология верховной власти в кочевых империях (по материалам эпохи Тюркских каганатов) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2011. Вып. 72(1 – 2). С. 306 – 329.
9. Васютин С. А. Кризис средневековых кочевых империй Центральной Азии: к дискуссии о факторах // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Чита: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2013. С. 28 – 34.
10. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 525 с.
11. Ибн Халдун. Теория политико-демографических циклов Абд ар-Рахмана Ибн Халдуна в его собственном изложении (Перевод разделов социологического трактата ал-Мукаддима) // Коротаев А. В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. М.: Восточная литература РАН, 2006.
12. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
13. Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 328 с.
14. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000.
15. Крадин Н. Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 5.
16. Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: ИА РАН, 2002.
17. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.
18. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 452 с.
19. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 108 с.
20. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX – XII вв. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии, 1974. 208 с.
21. Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 318 с.
22. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. 749 с.
23. Di Cosmo N. State formation and periodization in Inner Asian history // Journal of World History. 1999. Vol. 10. № 1. P. 1 – 40.
24. Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. XXVIII + 369 pp.
25. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. Boston: Beacon, 1967. 585 pp.
26. Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). В. I. Texte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 484 s.
27. Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, & Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2007. 273 pp.

Информация об авторе:

Васютин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, vasutin@history.kemsu.ru, vasutin2012@list.ru.

Sergey A. Vasyutin – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.